

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

П. В. ВОЛОБУЕВ

Экономическая политика Временного правительства принадлежит к числу незаслуженно забытых проблем нашей исторической науки. Достаточно сказать, что единственная работа, целиком посвященная этой теме, вышла еще 30 лет тому назад¹. К тому же времени относятся работы Г. В. Цыперовича, Я. М. Букшпана и В. В. Рейхардта², в которых освещаются отдельные стороны экономической политики Временного правительства и русской империалистической буржуазии. Обобщенная характеристика экономической политики Временного правительства и ее последствий дана в «Истории гражданской войны в СССР»³. В послевоенные годы этой проблеме уделил известное внимание П. И. Лященко, второй том фундаментального труда которого завершается кратким очерком социально-экономической политики Временного правительства⁴. Наконец, в самое последнее время некоторые важные вопросы экономической политики буржуазии и Временного правительства нашли отражение в статьях А. Л. Сидорова, Р. Ш. Ганелина и Л. Е. Шепелева⁵.

В буржуазной историографии вопросов экономической политики Временного правительства касались главным образом два автора — В. И. Гриневецкий и П. Н. Милюков. При этом В. И. Гриневецкий вообще поставил под сомнение наличие какой-либо экономической политики у правительства после Февральской революции, взвалив всю вину за обострение хозяйственного кризиса на рабочий класс, а за неудачи экономических мероприятий Временного правительства — на «революционную демократию»⁶. П. Н. Милюков посвятил собственно экономическим вопросам по сути дела всего один раздел из 3 главы I выпуска своей «Истории»⁷. Для Милюкова эта «щедрость» не является случайной: она выражает присущее буржуазной историографии стремление

¹ См. З. Лозинский. Экономическая политика Временного правительства, изд. «Прибой», 1929.

² Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР, изд. 4, Л., 1927; Я. М. Букшпан. Военно-хозяйственная политика, М.—Л., 1929; В. В. Рейхардт. Русская буржуазия в борьбе за сохранение экономического господства. «Красная летопись», 1930, № 1 (34).

³ «История гражданской войны в СССР», т. I, М., 1936.

⁴ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1952.

⁵ А. Л. Сидоров. Экономические предпосылки социалистической революции в России. «История СССР», 1957, № 4; Р. Ш. Ганелин и Л. Е. Шепелев. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», М.—Л., 1957.

⁶ В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности, М., 1918, стр. 49—51, 180.

⁷ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1—3, София, 1921.

обойти коренные социально-экономические проблемы послефевральского периода 1917 г. и тем свести причины победы пролетарской революции к ряду политических и привходящих факторов. В тех же случаях, когда Милюков излагает некоторые экономические мероприятия Временного правительства, он делает это крайне тенденциозно, трактуя их по большей части как случайные или ошибочные. Меншевицкая историография представлена Н. Н. Сухановым, который не поскупился на критику, подчас резкую, экономической политики буржуазии, Временного правительства и эсеро-меньшевицкого руководства Советов. Но критика эта ведется с мелкобуржуазных, реформистских позиций и в конечном счете сводится к осуждению политики правящих партий за то, что они не смогли предотвратить рост большевизма и революционного движения. Для буржуазной и меньшевицкой историографии общим исходным пунктом является субъективистская трактовка экономической политики Временного правительства, изображение ее как следствия ошибок отдельных деятелей, политических групп и партий.

Изучение экономической политики Временного правительства представляет большой научный интерес. Во-первых, без рассмотрения основных вопросов этой политики не могут быть правильно поняты причины резкого ухудшения экономического положения России в течение 8-месячного хозяйничанья буржуазии и Временного правительства. Разруха, как главный итог этого хозяйничанья, поставила нашу страну на грань катастрофы и явилась одним из факторов, ускоривших наступление социалистической революции. Во-вторых, экономическая политика Временного правительства — это история борьбы русской империалистической буржуазии не только за свое экономическое, но одновременно и за политическое господство. Наконец, в экономической политике, в ее характере и методах, ярко проявились такие черты русской буржуазии как политическая малоопытность, неорганизованность, консерватизм, характеризующие ее как относительно слабого политического противника рабочего класса. Вместе с тем не следует забывать, что эта «тупая, неорганизованная, некультурная»⁸ буржуазия, опиравшаяся на поддержку всей международной буржуазии, была достаточно серьезным и опасным врагом, свержение которого было всемирно-историческим подвигом рабочего класса нашей страны.

В настоящей статье мы стремились осветить экономическую политику Временного правительства главным образом с точки зрения решения им задачи регулирования народного хозяйства страны, поскольку именно ею в условиях войны определялось основное содержание экономической политики государства. Руководствуясь ленинскими оценками деятельности Временного правительства, мы пытались вскрыть объективные основы его экономической политики, ее социальные корни и движущие мотивы и таким путем показать в действии «хитрую механику»⁹ классового господства русской буржуазии вообще и ее монополистической верхушки в особенности. В центре нашего внимания — выяснение влияния монополистического капитала и его организаций на характер, формы и методы экономической политики правительства.

1. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Победа Февральской буржуазно-демократической революции передала государственную власть в руки русской империалистической буржуазии и примкнувших к ней обуржуазившихся помещиков. То переходное состояние власти, когда буржуазия, по выражению В. И. Ленина, «почти совсем» была у власти¹⁰, господствуя в экономике и организуясь политически, закончилось в ее пользу. Такой исход революции не был случай-

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 141.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 128.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 297.

ным. Государственная власть досталась буржуазии потому, что она оказалась более подготовленной к овладению ею, чем пролетариат; «этот класс имел... силу богатства, организации и знания»¹¹.

Монополистический капитал, сосредоточивший через синдикаты, тресты и банки в своих руках ключевые звенья экономики страны и возглавивший в годы войны всю российскую буржуазию, с первых дней Февральской революции выступил с притязаниями на верховную власть, так «неожиданно» свалившуюся на плечи класса буржуазии. Монополистические круги в столь решающий, переломный момент не могли всецело довериться своему политическому представительству — кадетам, а в лице руководства Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) приняли участие в формировании первого Временного правительства. Состав этого правительства явился результатом комбинации основных буржуазных сил — Государственной думы, партии кадетов, ЦВПК и Земгора при организующей роли кадетских лидеров. Вошедшие в состав первого Временного правительства руководящие деятели ЦВПК А. И. Гучков (председатель), А. И. Коновалов и М. И. Терещенко (товарищи председателя) были не только видными буржуазными общественными деятелями, но в первую очередь (особенно два последние) крупными предпринимателями¹². Этим прямым, непосредственным вхождением в правительство трех представителей «деловой» буржуазии Россия «опережает» другие капиталистические страны, где почти вплоть до кризиса 1929—1933 гг. правительства состояли преимущественно из буржуазных политических деятелей и скрытых ставленников монополистического капитала.

Гучков, Коновалов и Терещенко получили в свое ведение решающие военно-экономические органы государства. Назначение Гучкова военным и морским министром было для монополистического капитала вернейшей гарантией того, что обильный поток военных заказов не только не иссякнет, но и будет более «справедливо» распределен. Коновалов стал министром торговли и промышленности, т. е. главой того ведомства, которое со времени его учреждения торгово-промышленные магнаты считали «своим», предназначенным для обслуживания их интересов. И буржуазия устами Совета съездов представителей промышленности и торговли — этого всероссийского штаба монополистов — выразила свое удовлетворение, заявив, что министерство оказалось «в верных руках»¹³. Наконец, третье важнейшее ведомство — Министерство финансов — было отдано Терещенко. Остальные министерские посты получили с благословения меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов буржуазные политики, по определению газеты «Утро России» — рупора Рябушинского, «известные представители организованной буржуазии»¹⁴. Как видим, первое Временное правительство, судя по представленным в нем политическим и монополистическим группировкам и организациям, было по своей классовой природе буржуазным. Но, будучи таковым, оно вместе с тем в силу своего состава являлось прежде всего органом господства монополистических воротил и банкиров.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 208.

¹² Лидер октябристов Гучков состоял членом правлений страхового общества «Россия», товарищества Петроградского механического производства обуви «Скорород» и членом советов книгоиздательства товарищества «Новое время» А. С. Суворина и Петроградского учетного и ссудного банка. Коновалов — крупнейший капиталист-мануфактурист, являлся членом правления товарищества мануфактуры «Коновалов И. с сыном» и членом совета Московского банка. Терещенко — крупнейший сахарозаводчик и землевладелец, член правления Всероссийского общества сахарозаводчиков — был одним из богатейших людей России; его состояние оценивалось в 60—80 млн. руб. (см. «Вестник банков и промышленности», 1917, № 7—8, стр. 4; Н. Суханов. Записки о революции, кн. 2, Берлин, 1922, стр. 275).

¹³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 43.

¹⁴ «Утро России», 11 июля 1917 г.

Монополистическая буржуазия поспешила поддержать свое правительствo как материально, так и политически. 3 марта 1917 г. совещание представителей акционерных коммерческих банков решило предоставить в распоряжение Родзянко 1 млн. руб. и Керенского — 500 тыс. руб. формально для помощи политзаключенным, а в действительности для неотложных нужд по водворению «порядка»¹⁵. Полмиллиона рублей «пожертвовал» в распоряжение Временного правительства крупнейший металлургический синдикат России «Продамета»¹⁶. Крупная монополистическая буржуазия безоговорочно признала своим¹⁷ Временное правительство первого состава.

Русская буржуазия в результате победы Февральской революции стала правящим классом, но правящим лишь наполовину. Ибо вместо «чистой» диктатуры буржуазии образовалось так называемое двоевластие, выражавшееся в существовании рядом с буржуазным Временным правительством Советов рабочих и солдатских депутатов, как органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Монополистические круги отчетливо понимали, что в обстановке революции все проблемы, в том числе и экономические, упираются в вопрос о государственной власти. «Проблема власти, вопрос о создании нормальной сильной власти в центре,— говорил позднее Гучков,— является жизненным вопросом для России»¹⁸. Поэтому буржуазия с первых дней революции повела решительную борьбу против двоевластия, за свое единовластие в лице Временного правительства.

Но вопреки стремлениям буржуазии к полновластию, страна сдвинулась влево и потому не смогла выдержать более двух месяцев правления буржуазного правительства с засильем наиболее видных представителей и ставленников империалистической буржуазии. Апрельский кризис, со всей остротой поставивший вопрос о ликвидации двоевластия в пользу Советов, привел к падению чисто буржуазного правительства. Буржуазные правящие круги вынуждены были для спасения ускользавшей из их рук власти пойти на создание коалиционного правительства с участием эсеро-меньшевистских представителей Петроградского Совета, связывая с его организацией осуществление далеко идущих планов образования «сильной» и «единой» власти в стране.

Приход к власти на смену чисто буржуазному правительству нового, коалиционного министерства не изменил классовой природы государственной власти. Первое коалиционное правительство (как и остальные правительства коалиции) оставалось буржуазным, империалистическим не только в силу преобладания в нем буржуазно-помещичьих представителей, но прежде всего в силу того, что буржуазия по-прежнему господствовала во всех областях экономики и в государственном аппарате. Однако форма политического господства буржуазии после 5 мая 1917 г. несколько изменилась; ее диктатура стала тайной, скрытой, закулисной,

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 622, оп. 12, д. 183, л. 235.

¹⁶ ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 2, д. 2, т. 1, л. 23.

¹⁷ Впрочем, в буржуазных кругах после Октябрьской революции неоднократно делались попытки «отречься» от Временного правительства первого состава. Одна из последних попыток принадлежит П. А. Бурьшину. В своих воспоминаниях он утверждает, будто, несмотря на участие в первом Временном правительстве представителей промышленности, «никто, в биржевых кругах не считал это правительство своим, а каждый скорее опасался, что в надвигающейся борьбе «личной инициативы» против «огосударствления» всей хозяйственной жизни названные лица (Коновалов, Терещенко, Гучков.— П. В.) слишком быстро сдадут свои позиции» (П. А. Бурьшин. Москва купеческая, Нью-Йорк, 1954, стр. 324. Подчеркнуто нами.— П. В.). Нетрудно заметить, что в данном случае Бурьшину изменяет память, так как борьба «частной инициативы» против «огосударствления» хозяйства началась позже, при первом коалиционном правительстве, которое воротили банков и промышленности действительно не хотели считать «своим».

¹⁸ «1917 г. в документах и материалах. Государственное совещание», М.— Л., 1930, стр. 286.

нуждающейся «в том или ином благовидном прикрытии для обмана масс»¹⁹. У кормила государственного правления находился теперь «блок двух блоков, союз двух союзов», т. е. «блок эсеров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами, которые в блоке со всеми, стоящими правее их, политическими партиями»²⁰.

Образование первого коалиционного правительства, отеснив формально крупную буржуазию от власти, а фактически сохранив ее власть, внесло вместе с тем существенные изменения в отношении монополистического капитала к правительству и в формы его борьбы за политическое и экономическое господство. Более консервативная, политически более отсталая, часто далекая от понимания общеклассовых интересов, неспособная пожертвовать частным ради целого, не избавившаяся еще от мирозозерцания и хватки ветхозаветного купца русская промышленно-банковская и торговая буржуазия, в отличие от «передовых» политических представителей своего класса, не могла примириться с существованием слишком «левого» для нее правительства, а тем более всецело доверить ему защиту своего господства и привилегий. Ее особое недовольство, как и всей буржуазии, вызывали в первую очередь слабость коалиционного правительства и его «нерешительность» в борьбе с революционным народом.

Июльские события, склонившие на время чашу весов в сторону буржуазии, покончили с ненавистным для нее двоевластием. Авторитет правительства в глазах капиталистов несколько повысился. В предпринимательских кругах вновь зазвучали мотивы о его поддержке. Но надеждам верхов буржуазии на правительство Керенского не суждено было сбыться. Несмотря на все усилия буржуазии и самого Временного правительства, последнее, являясь по своему классовому существу буржуазной диктатурой, было лишено реальных сил, чтобы стать подлинной «твердой» властью. Хронический министерский кризис, будучи проявлением глубокого кризиса власти, свидетельствовал о неспособности русской буржуазии создать вкупе с эсеро-меньшевиками «сильное», диктаторское правительство. После провала попыток превратить Временное правительство в орудие такой диктатуры, буржуазные верхи, недовольные слабостью правительства Керенского, делают ставку на контрреволюционный переворот. Поддержка корниловщины монополистическим капиталом была прямым результатом утраты веры в способность правительства разгромить революционные организации и реакцией на его бессилие.

Отмежевавшись после поражения корниловского мятежа от его вдохновителей, монополистический капитал вновь открыто выступает на сцену, требуя своего непосредственного представительства в правительстве. Причины этого ясны. Мощный подъем революционного движения после корниловщины, большевизация Советов и громадный рост влияния большевистской партии при одновременном катастрофическом падении авторитета эсеро-меньшевиков создали реальную угрозу классовому господству буржуазии. Московская «национальная» буржуазия, всегда задававшая тон политическим выступлениям русской монополистической буржуазии и имевшая более широкую опору в буржуазных слоях населения, взяла в свои руки безнадежное дело создания «сильной» власти с целью спасения капитализма в нашей стране. В состав последнего правительства вошли виднейшие деятели московской буржуазии: Коновалов (вернулся на пост министра торговли и промышленности с добавлением поста заместителя министра-председателя), Третьяков (председатель Экономического совета) и Смирнов (государственный контролер). Коалиционный характер последнего правительства был фикцией, едва при-

¹⁹ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 310.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 129, 108—109.

крывавшей почти чистобуржуазный его характер. Правительство Керенского — Коновалова было уже правительством гражданской войны, а с точки зрения монополистических кругов и кадетских главарей — последней ступенькой к неограниченной контрреволюционной буржуазной диктатуре. Однако присутствие «деловых людей» буржуазии в правительстве последнее его состава не прибавило ему силы. В связи с этим монополистические группировки все более и более утрачивают к правительству всякое доверие, лелея несбыточную надежду на создание «сильной» власти путем повторения попытки государственного переворота и установления генеральской диктатуры.

Следовательно, активная роль монополистических воротил в организации государственной власти в период 8-месячного господства буржуазии не привела к созданию прочной и устойчивой политической диктатуры монополистического капитала. Это обстоятельство не только наложило отпечаток на экономическую политику буржуазии и Временного правительства, но и всецело предопределило ее направление и характер. Развертывавшаяся революция придала всем экономическим мероприятиям правящих сфер политическую окраску и в решающей степени являлась их исходным пунктом.

2. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРУЮЩЕГО АППАРАТА

С особой силой классовая основа политики Временного правительства и его зависимость от воли монополистического капитала вскрывается на примере решения им коренных социально-экономических проблем. Одной из таких проблем, вставшей перед страной сразу же после Февральской революции, была хозяйственная разруха, как результат непосильной войны и преступного хозяйничания царизма и русской империалистической буржуазии. Преодоление разрухи было общедемократической задачей, требовавшей творческих и напряженных усилий всего народа. Основным средством борьбы с нею являлись: «контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства»²¹ экономической жизни страны. При этом обстановка глубокого хозяйственного кризиса повелительно диктовала необходимость решительных революционных мер, выдвигая ходом событий революционно-демократический путь государственного регулирования как действительно обеспечивающий верный выход из хозяйственного тупика. Вместе с тем в объективной действительности того времени имелся и другой путь регулирования, который в лучшем случае мог отсрочить, оттянуть экономическую катастрофу. Этот второй путь состоял в реакционно-бюрократическом регулировании экономики в интересах магнатов капитала, являясь типичным для всех империалистических государств, вынужденных в условиях войны осуществлять вмешательство в экономическую жизнь страны.

На этот путь и встало Временное правительство, стремившееся посредством государственно-монополистического регулирования сохранить и укрепить как политическое, так и экономическое господство буржуазии. Русская монополистическая буржуазия в принципе признавала полезным для себя и в условиях войны необходимым известное государственное вмешательство в экономику страны с целью ее регулирования²². Вместе с тем доставшуюся ей государственную власть буржуазия хотела использовать в первую очередь для того, чтобы добиться полной свободы и безраздельного руководства экономической жизнью России. Подобное стремление основывалось, во-первых, на факте ее господства в

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 300.

²² Подробнее об этом см. нашу статью «О государственно-монополистическом капитализме в России в 1917 г. (март — октябрь)». «Вопросы истории», 1959, № 9.

экономике и, во-вторых, на уверенности в незыблемости капиталистического строя в России. Свою силу, силу денежного мешка, монополисты сознавали довольно хорошо. «Торговля и промышленность в совокупности с земледелием,— говорил на Первом Всероссийском торгово-промышленном съезде один из видных деятелей московских торгово-промышленных организаций Ю. И. Поплавский,— производит на 15 миллиардов в год разных ценностей, и почти половина этого национального богатства находится в наших руках»²³. Отсюда делался вывод, что «буржуазии принадлежит главнейшая роль в строительстве русской жизни»²⁴. Что касается уверенности в незыблемости капиталистического строя в России, то монополистические воротилы были убеждены в том, что «при существующих условиях мирового хозяйства никакой иной экономической строй, кроме капиталистического, в России невозможен»²⁵. По их мнению, «неизбежно предстоящий России процесс капиталистического развития предопределял и руководящую роль буржуазии в экономической жизни»²⁶.

Нарастание революции, с одной стороны, и неверие в силу и прочность Временного правительства, с другой, обусловили поворот в политике монополистического капитала в отношении государственного регулирования. Опасаясь его социально-экономических следствий, руководящие монополистические круги выступают — и чем дальше, тем более решительно — против государственного регулирования. Они требовали его ослабления или даже полной отмены. Регулированию монополисты противопоставляли «свободную» капиталистическую экономику с ее ничем не ограниченной «частной инициативой», конкуренцией, бесконтрольностью, слепой игрой стихийных экономических сил. Следует, однако, заметить, что отрицательное отношение к государственному регулированию не мешало тем или иным монополистическим группировкам сохранять и даже укреплять отдельные его формы, используя это регулирование в своих интересах. Кроме того, соглашаться (на словах) на государственный контроль вынуждала такая грозная опасность, как выступление рабочего класса с требованием рабочего контроля над производством²⁷. Странниками дальнейшего расширения и усиления государственного регулирования в буржуазном лагере являлись главным образом буржуазная интеллигенция и чиновничество.

Временное правительство первого состава в принципиальных вопросах экономической политики стремилось следовать указаниям монополистических верхов. При этом оно использовало в интересах буржуазии то свое преимущество, что в области экономики оно располагало «реальной силой», поскольку у капитала сохранялось «фактическое полное всевластие в экономике страны»²⁸. Однако обязанное своим происхождением революции и находясь под давлением народных масс и их революционных организаций, Временное правительство пыталось прикрыться общенациональной, демократической вывеской и замаскировать свою связанность интересами капитала. Поэтому в экономических вопросах, как впрочем и во всех других, правительство вынуждено было «лгать, вертеться, выгадывать время, как можно больше «провозглашать» и обещать.., как можно меньше исполнять, одной рукой давать уступки, другой отбирать их»²⁹.

²³ «Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве», М., 1918, стр. 127 (подчеркнуто мною.— П. В.).

²⁴ ЦГАОР и СС, ф. 3631, оп. 4, д. 1, л. 4.

²⁵ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. I, М.—Л., 1957, стр. 181, док. № 72.

²⁶ ЦГАОР и СС, ф. 3631, оп. 4, д. 1, л. 5.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 333; т. 25, стр. 301.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 88.

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 314.

Руководящие идеи и принципы экономической политики были выработаны под руководством министра торговли и промышленности Коновалова узким кружком его ближайших сотрудников (Пальчинский, Саввин, Степанов, Бернацкий, Массальский) при активном участии руководящих деятелей торгово-промышленных организаций, главным образом Совета съездов представителей промышленности и торговли и Московского торгово-промышленного комитета³⁰. Наиболее полно и четко позиция Временного правительства в вопросе регулирования была изложена в программной речи Коновалова при посещении Московской биржи 14 апреля 1917 г.³¹ Если разобраться в существе высказываний Коновалова, то прежде всего обращает на себя внимание признание необходимости в условиях войны и разрухи «известного государственного вмешательства» в капиталистическую экономику. Во-вторых, не менее важна готовность Временного правительства идти по пути некоторого усиления и расширения этого вмешательства. В-третьих, со всей ясностью определен и метод государственного регулирования, поскольку провозглашен принцип приобщения к нему «широкой общественности», «согласованной работы организованных общественных сил», под которыми подразумевались организации монополистической буржуазии. Следовательно, программа Коновалова — это программа крайне ограниченного реакционно-бюрократического регулирования, осуществляемого на государственно-монополистической основе в целях продолжения войны до «победного конца».

Коалиционные правительства в основных вопросах экономической политики, в том числе регулирования, следовали по проложенному пути. Говоря словами В. И. Ленина, при них «осталось все по-старому». Ни первое коалиционное, ни тем более последующие министерства не изменили ничего; они прибавили «только кучку деклараций, пышных заявлений»³². Коалиционное правительство Львова — Керенского было первым, включившим задачу борьбы с разрухой в свою официальную программу и возвестившим в этих целях необходимость «всеобъемлющего» государственного контроля и «решительного» вмешательства в экономическую жизнь³³. Новая постановка вопроса о государственном регулировании являлась «вкладом» соглашателей в программу коалиции, отражением пресловутого меньшевистского тезиса о «планомерной организации народного хозяйства и труда»³⁴. Представляя по своему объективному содержанию попытку найти выход из хозяйственного кризиса «полегче», на базе капиталистического строя, лозунг государственного контроля стал предметом разнузданной демагогии лидеров эсеров-меньшевиков, прикрывая в то же время бездеятельность правительства в деле регулирования экономики.

Вопреки широковещательным декларациям о контроле Временное правительство на деле никогда не выходило за рамки той программы ограниченного государственного регулирования, которая была намечена Коноваловым. Достаточно в связи с этим указать на известную объяснительную записку (представление) временного управляющего Министерством торговли и промышленности В. А. Степанова к проекту декларации об основных принципах экономической политики Временного правительства и на программный доклад М. В. Бернацкого в Экономическом Совете. «Записка» Степанова от 8 июня 1917 г.³⁵ — единственный в своем роде документ, в котором не только изложены, но и

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, лл. 27, 59об.—62; ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 1, л. 23; «Стенографический отчет заседания Экономического совета», № 2, 22 июня 1917 г., стр. 8.

³¹ «Торгово-промышленная газета». 16 апреля 1917 г.

³² См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 7.

³³ «Вестник Временного правительства», № 40, 6 мая 1917 г.

³⁴ Оценку соглашательской программы «борьбы» с разрухой см.: В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 359—361, 388—393, 399.

³⁵ См. «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 220—227, док № 92; 93.

мотивированы основные вопросы программы социально-экономической политики Временного правительства. Ее анализ показывает, что Степанов целиком и полностью стоит на почве государственно-монополистического регулирования. Этим он сразу обнаруживает, несмотря на нарочитую объективистскую форму «Записки», классовое назначение рекомендуемой им политики. Особенно любопытно то, что «Записка» Степанова не находится в соответствии с декларацией правительства от 6 мая. Сравнение с декларацией при всей расплывчатости ее тезиса о борьбе с разрухой явно не в пользу Степанова, не осмелившегося даже заявить о возможности действенного контроля над производством и его организации государством. Все это приводит нас к выводу, что программа Степанова по сути дела является конкретизацией программы Коновалова, применением ее к изменившимся условиям. Проф. Бернацкий, представивший 24 июля 1917 г. Экономическому совету от имени Министерства торговли и промышленности доклад о программе в области торгово-промышленной политики, отразил наметившееся в правящих кругах колебание в вопросе о государственном регулировании в пользу «частной инициативы»³⁶. В выступлениях Коновалова, Степанова и Бернацкого мы, таким образом, не видим предложений о решительных и последовательных мерах для борьбы с разрухой. Программные документы Временного правительства ярко свидетельствуют о его неспособности решить общедемократические задачи, вставшие перед страной.

Итак, Временное правительство всех составов, отражая наиболее общие интересы монополистического капитала, объективно необходимое дело регулирования хозяйственной жизни страны стремилось осуществлять «по-гинденбургски, по общему империалистскому образцу»³⁷. «Давайте же лучше говорить *правду*, — писал В. И. Ленин, — в республиканской России хотят реакционно-бюрократически регулировать экономическую жизнь, но затрудняются «часто» провести это в жизнь при существовании «Советов»...»³⁸.

Главным рычагом государственного регулирования, как известно, является регулирующий аппарат в лице различных военно-экономических органов и учреждений. Временному правительству достался от царизма в высшей степени несовершенный и громоздкий бюрократический аппарат.

Четкая установка в отношении судьбы старого регулирующего аппарата была сформулирована в руководящих предпринимательских органах в первые же дни нового режима. Ее исходным пунктом была боязнь перемен и ломки. Руководящие буржуазные круги потребовали прежде всего возобновления деятельности особых совещаний³⁹. Одновременно монополистические круги указали на необходимость придания всем этим органам «общественного» характера, т. е. предоставления буржуазии права безраздельного хозяйничанья в регулирующем аппарате.

Пожелания и требования ведущих буржуазных организаций послужили руководящей нитью для Временного правительства. Оно и само не предполагало по политическим соображениям вносить какие-либо коренные изменения в существующий регулирующий аппарат, а сразу же встало на путь «приспособления всего ведомственного механизма и к новым общим условиям русской жизни и к новым задачам государства в хозяйственной области»⁴⁰. Приступая к реорганизации аппарата регу-

³⁶ «Стенографический отчет заседания Экономического совета», № 3, 24 июля 1917 г., стр. 9—20.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 323.

³⁸ Там же, стр. 309—310.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 2, д. 27, л. 42об.; «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 243, док. № 100.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 487, л. 4. Черновик отчета о деятельности Министерства торговли и промышленности за март — апрель.

лирования. оно стремилось, образно говоря, сделать все по-новому, оставив все по-старому. В течение первой половины марта была возобновлена деятельность особых совещаний и различных комитетов. Но один центральный регулирующий орган — Особое совещание по продовольственному делу — был сметен революцией, ибо восставший народ не без оснований усмотрел в нем виновника голода. Попытки Временного правительства спасти его не увенчались успехом⁴¹. Реализуя предложения буржуазии о проведении некоторой реорганизации регулирующего аппарата, Временное правительство 24 марта 1917 г. приняло постановление об объединении дела снабжения металлами и топливом в руках главного уполномоченного по снабжению металлами и топливом. Это решение было принято по прямому требованию «Продаметы», предожившей в «срочном порядке» решить вопрос «об объединении руководства металлами и топливом в одном лице»⁴².

Обращает на себя внимание, что монополистические круги в деле реорганизации регулирующих органов ставили вопрос об осуществлении лишь минимально необходимых и давно назревших мер, не проявляя интереса к мероприятиям более широкого порядка. К концу марта их реформаторская инициатива вообще была в основном исчерпана. Показательна в этом отношении судьба проектов учреждения Министерства снабжения, имевших довольно давнюю историю⁴³. После Февральской революции с предложением создания Министерства снабжения выступила московская буржуазия⁴⁴. Однако эти предложения не встретили сочувствия со стороны других монополистических группировок и идея его учреждения была оставлена⁴⁵.

Быстрому охлаждению буржуазии к устройению аппарата регулирования способствовало то, что монополистический капитал достиг своей главной цели, преследовавшейся им при переходе к новому строю, — усиления или захвата господствующих позиций в военно-экономических органах. Овладение центральными, а частью и местными, регулирующими органами было осуществлено в течение марта-апреля под непосредственным руководством Временного правительства и прежде всего Министерства торговли и промышленности. Так, Коновалов 5 марта предложил всем подведомственным его министерству комитетам по отдельным отраслям промышленности произвести выборы председателей комитетов и их заместителей взамен назначенных прежним правительством⁴⁶. Совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, обсудив этот вопрос, «ввиду большого значения в промышленной жизни Комитета хлопкоснабжения... уделил много внимания выборам в названный комитет, предложив избрать на пост председателя в нем Н. Д. Морозова»⁴⁷. Вслед за тем Морозов — директор Богородско-Глуховской мануфактуры, представитель династии текстильных магнатов Морозовых — был избран (вместо Н. И. Гучкова) председателем Комитета хлопкоснабжения⁴⁸. В других случаях Временное правительство непосредственно назначало на руководящие посты крупных промышленников, банкиров или их ставленников из верхушки буржуазной научно-технической интеллигенции. Сушей находкой для правящих буржуазных

⁴¹ ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 2, д. 2, т. 1, л. 6; «Журнал заседания Временного правительства», 5 марта 1917 г.

⁴² «Экономическое положение России». ч. 1, М.—Л., 1957, стр. 247—249, док. № 104, 106.

⁴³ См. К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны, М., 1958, стр. 48—49.

⁴⁴ См. «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов», М., 1917, стр. 137; «Утро России», 18 и 23 марта 1917 г.

⁴⁵ См. Н. Суханов. Указ. соч., кн. 3, стр. 424—425, 428.

⁴⁶ «Торгово-промышленная газета», 14 марта 1917 г.; ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 1, л. 23.

⁴⁷ «Хлопчатобумажная промышленность», 1918. № 1—2, стр. 14.

⁴⁸ «Утро России», 23 марта 1917 г.

сфер, искавших «сильных» людей, оказался П. И. Пальчинский, выдвинутый, вне всякого сомнения, группкой банковских и синдикатских воротил. Некогда рядовой инженер, он проявил себя способным организатором и, продавшись денежному мешку, был вознесен им не только к богатству (к 1917 г. Пальчинский являлся акционером ряда предприятий и членом правления трех акционерных обществ и Совета Азовско-Донского банка), но и к вершинам государственной власти. Ему-то и была отведена роль диктатора в области экономики. За короткое время Пальчинский в качестве товарища министра торговли и промышленности, главного уполномоченного по снабжению металлами и топливом, заместителя председателя Особого совещания по топливу и председателя в Особом совещании по обороне сосредоточил в своих руках руководство основными военно-экономическими учреждениями Временного правительства с почти неограниченными полномочиями.

Руководство топливными делами было возложено на Я. Д. Прядкина, одного из бывших деятелей «Продугля» (он стал помощником главного уполномоченного по снабжению металлами и топливом). С. С. Новоселов — крупный кожевенный фабрикант, председатель Всероссийского общества кожевенных заводчиков — назначается товарищем председателя Главного комитета по кожевенным делам. Председатель совета Петроградского банка В. Б. Ельяшевич становится консультантом Министерства торговли и промышленности, а в дальнейшем — Главного экономического комитета. Из среды буржуазной научно-технической интеллигенции на руководящие посты были назначены профессор Н. Н. Саввин, М. В. Бернацкий, М. И. Фридман, Л. С. Таль, Б. А. Бахметьев и др. Воротилы промышленности и их ставленники привлекаются в качестве председателей заводских совещаний (например, И. С. Каннегиссер назначается и. о. председателя Петроградского заводского совещания), главноуполномоченных Особого совещания по топливу (например, В. И. Европеус по Уралу), руководителей порайонных комитетов по железнодорожным перевозкам и т. д. и т. п.

Другим каналом подчинения монополистам регулирующих органов было усиление представительства в них торгово-промышленной буржуазии. Это достигалось не только путем абсолютного увеличения числа мест, отводимых представителям промышленности и торговли, но чаще всего такими замаскированными способами, как расширение представительства от так называемых общественных организаций, сохранение представительства от «законодательных палат» (Государственной думы и Государственного совета), хотя оно утратило всякую видимость законности, посредством усиления чиновничьего элемента. Так, характеризуя соотношение сил в Особом совещании по топливу, один из районных уполномоченных по топливу писал, что «фактически значительная часть представителей законодательных палат в Особом совещании была связана с промышленным миром, и что интересы промышленности нередко защищались и представителями ведомств, далеко не всегда заменяемыми другими лицами после революции»⁴⁹. Поэтому, несмотря на включение в состав центральных регулирующих органов представителей от Советов и других демократических организаций, позиции монополистического капитала оставались в них незыблемыми. Вот яркий пример. В апреле 1917 г. в Комитете по делам суконной промышленности при обсуждении одного из вопросов регулирования закупок грубой шерсти в сезон 1917 г. вспыхнула ссора между двумя его отделами. Один из них протестовал против намерения другого отдела взять в свои руки дело регулирования, ибо это означало поручить его «одному и тому же отделу, т. е. всецело и исключительно самим фабрикантам грубых сукон»⁵⁰.

⁴⁹ «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 272, док. № 122.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 655, л. 191.

Понятно, что укрепившись в регулирующих органах, монополистический капитал должен был противиться любым попыткам их дальнейшей реорганизации, а в особенности требованиям демократизации, выдвигавшимся народными массами. В действительной демократизации органов контроля и регулирования он справедливо видел угрозу своему всевластию в экономике, неприкосновенности и святости капиталистической прибыли. Именно Временное правительство стало в руках монополистов главным орудием сопротивления проектам реорганизации регулирующих органов, хотя под давлением Советов и других революционно-демократических организаций оно на словах высказалось за демократизацию этих органов. Наиболее ярким примером саботажа Временным правительством демократизации органов регулирования является история реформирования Особого совещания по топливу. 5 мая по предложению Пальчинского Временным правительством было принято постановление о прибавлении к 30 буржуазным и чиновничьим членам Особого совещания 6 представителей демократических организаций⁵¹. Такая «реорганизация», естественно, не удовлетворила ни Советы, ни местных работников топливоснабжения, близко знавших потребности жизни, ибо Осотоп по-прежнему фактически оставался тем, чем он был до революции — «чем-то средним между бюрократическим органом и органом промышленного представительства»⁵². В ответ на требование учредительного съезда представителей районных совещаний по топливу Пальчинский с циничной откровенностью заявил, что «ввиду того, что Особое совещание по топливу даже в настоящем своем виде по мере возможности справляется с возложенными на него задачами, особой спешности в реорганизации его не требуется»⁵³. Проект реорганизации, выработанный съездом, был отвергнут предпринимательскими организациями и вслед за тем отклонен правительством. Игнорируя волю съезда, Пальчинский в спешном порядке провел через Особое совещание, а затем и через Временное правительство, свой проект «реформы», предусматривавший лишь частичное расширение представительства в нем демократических организаций («только для декорации», как говорил он на I Всероссийском съезде Советов⁵⁴), при сохранении представителей Государственной думы и Государственного совета и одновременном увеличении буржуазно-предпринимательского состава совещания⁵⁵.

Особому совещанию по обороне в отношении демократизации «повезло» еще меньше, чем Осотопу. Дело ограничилось пополнением его состава представителями ряда министерств и некоторых предпринимательских организаций⁵⁶. В дальнейшем было признано необходимым преобразовать его в специальный военно-технический орган, лишенный диктаторских полномочий и подчиненный Военному министерству⁵⁷. Но это лишь декларировалось. В сентябре вопрос о преобразовании все еще находился «в стадии разработки», но зато на первый план выдвинулся вопрос «о более точном отграничении компетенции Главного экономического комитета от Особого совещания по обороне»⁵⁸. В таком

⁵¹ СУ, 1917, № 171, ст. 935.

⁵² ЦГАОР и СС, ф. 3348, оп. 1, д. 107, л. 7; «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, стр. 131.

⁵³ «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, стр. 134.

⁵⁴ «1917 г. в документах и материалах. Первый Всероссийский съезд Советов р. и с. д.», т. II, М.—Л., 1931, стр. 232.

⁵⁵ СУ, 1917, № 189, ст. 1118.

⁵⁶ СУ, 1917, № 88, ст. 499; «Вестник Временного правительства», № 86, 22 июня 1917 г.; ЦГИАЛ, ф. 126, оп. 1, д. 3, л. 28.

⁵⁷ См. «Журнал 1-го заседания Главного экономического комитета» от 17 июля 1917 г., стр. 2; «Отчет о 10-м заседании Главного экономического комитета» от 7 августа 1917 г., стр. 5.

⁵⁸ «Отчет о 22-м заседании Главного экономического комитета» от 15 сентября 1917 г., стр. 2.

особо бережном отношении к нему нет ничего удивительного. Дело в том, что Особое совещание по обороне, включавшее в свой состав компактную группку монополистических воротил (В. И. Тимирязев, Ф. А. Иванов, В. И. Карпов, И. С. Каннегиссер, Н. В. Савич) и политических деятелей (М. В. Родзянко), возглавляемое на всем протяжении послефевральского периода Пальчинским, стало настоящим боевым штабом контрреволюции в экономической области, одним из главных оплотов монополистического капитала⁵⁹.

Что касается комитетов по отдельным отраслям промышленности, то они далеко не одинаково испытали на себе поветрие «демократизации». Так, Комитет по делам металлургической промышленности (Расмеко), перейдя в ведение Министерства торговли и промышленности, судя по всему, никакими преобразованиями и демократизациями не был затронут вовсе. Наоборот, представительство монополистов в нем было даже пополнено⁶⁰. Комитет хлопкоснабжения также «благополучно» дожил почти в чистобуржуазном составе (представители Совета в знак протеста не стали участвовать в его работах) до Октябрьской революции. Комитету по кожевенным делам «повезло» меньше. Он был реорганизован путем включения в его состав представителей демократических организаций, что вызвало величайшее неудовольствие кожевенных заводчиков, едва не вышедших из его состава⁶¹.

Таким образом, монополистический капитал, держа в своих руках Временное правительство, в общем и целом укрепил свои позиции в центральных регулирующих органах, как путем «личной унии» их руководителей с верхушкой ведущих предпринимательских организаций, так и посредством усиления в них своего представительства. Понятно, что это обстоятельство позволило ему направлять их практическую деятельность в своих интересах.

Менее благополучно для монополистических кругов сложились дела с реорганизацией местных (районных) органов регулирования: заводских совещаний, комитетов по топливу, продовольственных организаций и т. п. Подобное положение было, с одной стороны, прямым результатом того, что революция на местах зашла дальше, чем в столице, с другой стороны, и государственный аппарат на местах был больше ослаблен и дезорганизован, чем в Петрограде. Однако Временное правительство сделало все возможное в его положении для того, чтобы, во-первых, ввести в «законные» рамки начавшуюся снизу, под напором демократических сил реорганизацию местных органов, сохранив по возможности их прежний бюрократический характер, во-вторых, путем оттяжек, чиновничьего крючкотворства и т. п. как можно дольше затянуть ее и, наконец, в-третьих, сохранить, а при случае и укрепить в них позиции крупной торгово-промышленной буржуазии. Так, к разработке новых законоположений о заводских совещаниях оно широко привлекает представителей ведущих предпринимательских организаций, стремясь обеспечить им влиятельное представительство в реорганизуемых совещаниях⁶². Благодаря помощи Временного правительства и его органов (Особого совещания по обороне и др.) монополистическим кругам удалось удерживать под своим контролем к осени 1917 г. более половины районных заводских совещаний. В остальных (Московском, Петроградском, Екатеринославском, Ревельском и др.) руководящая роль перешла к представительству Советов, профсоюзов и т. п. демократических организаций. Для того, чтобы лишить перешедшие под контроль демократических организаций заводские совещания воз-

⁵⁹ Эта роль Особого совещания по обороне осталась в силу специфического (секретного) характера его деятельности незамеченной даже внимательными современниками и почти совершенно обойденной исследователями.

⁶⁰ ЦГАОР и СС, ф. 3348, оп. 1, д. 115, лл. 5—11; ЦГИАЛ, ф. 126, оп. 1, д. 7, л. 13.

⁶¹ «Речь», 12 июля 1917 г.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 557, л. 123; ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 160, л. 272.

возможности влиять на производство металлургических заводов, Пальчинский создал в противовес им специальные распределительные органы, подчиненные центру (вроде «Югомета») и тем уменьшил компетенции и права заводских совещаний⁶³.

При коалиционных правительствах регулирующий аппарат, в особенности его центральные, руководящие звенья, оставались в основном в руках монополистической буржуазии. Новое в правительственной политике коалиции состояло в том, что, пообещав народу начать борьбу с разрухой, но не смея предпринять в силу своей связанности интересами капитала и из-за его сопротивления решительных мер по организации действительного регулирования, правящие круги встали на путь «бюрократического и буржуазного прожектерства», сочинения «эффектнейших планов, положений, уставов, нормировок»⁶⁴, создавая видимость энергичной борьбы правительства и в первую очередь министров-«социалистов» с хозяйственной разрухой. Для подтверждения сказанного трудно, пожалуй, сыскать другой, более яркий пример, чем история учреждения и деятельности Экономического совета и Главного экономического комитета (ГЭК).

Вред многовластия, многоцентриа в деле регулирования и необходимость координации деятельности хотя бы центральных регулирующих органов сознавалось давно, еще до Февральской революции⁶⁵. Сразу же после образования новой власти, 3 марта 1917 г., Совет съездов представителей промышленности и торговли высказался за «принятие мер к согласованию деятельности особых совещаний», поставив в известность новое правительство о своем решении⁶⁶. Временное правительство согласилось с ним, но задуманная реформа вылилась в одно, в сущности очень скромное мероприятие. Было учреждено Совещание товарищей министров по боевому снабжению под председательством помощника военного министра А. А. Маниковского⁶⁷. Но обострявшаяся разруха выдвигала вопрос о регулировании хозяйства из одного центра как один из самых неотложных. С проектом его решения выступили меньшевистские деятели, выдвинувшие от имени Экономического отдела Петроградского совета идею создания Экономического совета как своеобразного экономического совещательного парламента, вырабатывающего основные и единые принципы хозяйственной и регулирующей политики государства, и наряду с ним — центрального комитета снабжения, являющегося исполнительно-распорядительным органом⁶⁸.

Еще до принятия постановления об учреждении Экономического совета В. И. Ленин в «Правде» подверг резкой критике состав Экономического совета с явным буржуазным большинством и показал, что от него «в лучшем случае не будет ни толку, ни проку»⁶⁹. 21 июня 1917 г., в последние дни работы I съезда Советов, потребовавшего создания таких органов, постановление об учреждении Экономического совета и ГЭК было принято Временным правительством⁷⁰. Руководящие монополистические круги крайне сдержанно, а фактически отрицательно, отнеслись к учреждению этих двух новых органов, что в решающей степени предопределило как характер их деятельности, так и их конечную судьбу. Так, Совет съездов представителей промышленности и торговли, не возражая формально против существования Экономического

⁶³ ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 1, д. 1207, л. 3; «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1917, № 39, стр. 15.

⁶⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 391.

⁶⁵ К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 113.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 42об.; «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 243, док. № 100.

⁶⁷ ЦГАОР и СС, ф. 3348, оп. 1, д. 138, л. 100об.

⁶⁸ ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 1, д. 135, лл. 1—3.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 90.

⁷⁰ См. «Вестник Временного правительства», № 86, 22 июня 1917 г.

ческого совета и Главного экономического комитета, выступал против участия в них «широкого, неделового общественного элемента», т. е. представителей Советов и рабочих организаций⁷¹. Монополистические воротилы и банкиры, довольно мощно представленные в Экономическом совете (такими фигурами, как Кутлер, фон Дитмар, Вышнеградский и др.), не проявляли к его работам никакого интереса. Не удивительно, что «работа» Экономического совета, по свидетельству Суханова, являвшегося его членом, выглядела следующим образом: «В условиях растущего голода и бестоварья вел, раза 2 в неделю, странные академические словопрения Экономический совет; тут не было не только практического подхода к делу, но не было постановлений, резолюций,— одни доклады и возражения, как в добропорядочном ученом обществе»⁷². Подобная «деятельность» продолжалась около месяца, а затем и вовсе прекратилась. Ввиду этого 3 октября на заседании Совета съездов было признано, что «существование Экономического совета не вызывается практической необходимостью, почему он может быть упразднен»⁷³. В полном согласии с этим пожеланием новый глава Экономического совета Третьяков обратился 11 октября 1917 г. к Временному правительству с представлением об упразднении совета за ненадобностью⁷⁴. 13 октября правительство согласилось с этим предложением и Экономический совет бесславно скончался⁷⁵.

Малозаметный след оставил после себя и Главный экономический Комитет. По признанию его меньшевистских творцов, Комитет по преимуществу занимался конституированием самого себя, «постоянно меняясь в своем составе»⁷⁶. При этом характерно, что, будучи чисто чиновничьим по своему составу учреждением, он больше всего боялся стать действенным центральным регулирующим органом. Самое большее, на что решались его руководители (Саввин, Пальчинский), это — согласование деятельности различных регулирующих органов⁷⁷. Все его начинания свидетельствуют о том, что Комитет явно держал курс на удушение живого дела организации экономической жизни страны в бюрократической петле. С приходом в начале октября к его руководству Третьякова, делаются попытки использовать Главный экономический комитет как вспомогательный орган Временного правительства по борьбе с рабочим движением. Появляется еще одна новая черта: комитет открыто берет курс на поощрение частнохозяйственной деятельности капиталистов и их организаций взамен регулирования через государственные органы⁷⁸. В конечном счете экономический комитет ко времени Октябрьской революции лишь по положению являлся центральным органом регулирования, в действительности он таковым не был.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 120, л. 5.

⁷² Н. Суханов. Указ. соч., кн. 5, стр. 129.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 199. Отсюда видно, насколько необоснованным является утверждение будто бы Экономический совет, а также и Главный экономический комитет являлись штабами корниловщины в экономической области (см. «История гражданской войны в СССР», т. 1, М., 1936, стр. 351; П. И. Лященко. Указ. соч., т. II, стр. 666).

⁷⁴ «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 307—308, док. № 142.

⁷⁵ ЦГАОР и СС, ф. 1239, оп. 1, д. 11, л. 5. Лишь после этого меньшевики вспомнили о своем детище и 23 октября (!) выступили на его защиту, внося в Предпарламент законодательное предположение о восстановлении его деятельности для борьбы... с разрухой (там же). Объективно это было равносильно признанию полного банкротства соглашательской политики в области экономики и свидетельством бессилия меньшевистских политиканов.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См. «Отчет о 19-м заседании Главного экономического комитета» от 12 сентября 1917 г., стр. 6—8 и отчет о 21-м заседании от 14 сентября 1917 г., стр. 5.

⁷⁸ См. «Журнал 30-го заседания Главного экономического комитета» от 3 октября 1917 г., стр. 2—3.

Помимо Экономического совета и Главного экономического комитета, Временное правительство наплодило еще не мало таких же безжизненных органов регулирования, справедливо названных современниками кличками «Центростоп», «Главтормоз» и т. п. По словам одного документа Совета съездов, система регулирования оказалась настолько сложной и громоздкой, что самим чиновникам ГЭК пришлось составить «путеводитель по дебрям ведомств, совещаний и комитетов»⁷⁹.

Таким образом, прежнее многовластие и параллелизм в деле регулирования при Временном правительстве не только не были устранены, но даже усилены. Бездеятельность новых учреждений регулирования шла навстречу политике монополистического капитала, срывавшего все попытки упорядочения хозяйства страны.

Интересами капитала определялась также позиция Временного правительства в отношении так называемых самочинных органов для борьбы с разрухой, являвшихся носителями тенденций нового, революционно-демократического регулирования. «Борьбу с катастрофой,— писал о них В. И. Ленин,— повели самочинные демократические организации, всякого рода комитеты снабжения, продовольственные комитеты, совещания по топливу и прочее и тому подобное»⁸⁰. Огромную роль в их стихийном возникновении (или превращении местных правительственных органов в демократические) сыграли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И хотя большинство в комитетах снабжения и им подобных органах в силу ряда причин принадлежало меньшевикам и эсерам, логика событий и давление трудящихся масс заставляли их пытаться ослабить в пределах своих районов губительное влияние разрухи и голода. Монополистический капитал сразу же почувствовал в самочинных органах угрозу своему всевластию в экономике. В связи с созданием районных комитетов снабжения Совет съездов представителей промышленности и торговли в письме министру торговли и промышленности от 25 июля 1917 г. указывал, что «представители промышленности категорически возражают против созываемых в настоящее время по всей России съездов снабжения в крайне одностороннем составе...»⁸¹. В угоду капиталистам правительство повело борьбу против самочинных органов. Главным «героем» этой борьбы стал Пальчинский, который, по характеристике Ленина, «приобрел себе... самую печальную и самую широкую, всероссийскую известность»⁸². Отнесясь отрицательно к их возникновению, так как эти районные организации, по словам Пальчинского, должны учреждаться «правительством..., а не возникать явочным путем»⁸³, Временное правительство вместе с тем вынуждено было считаться с повсеместными требованиями Советов и местных регулирующих органов об их узаконении. В виду этого правительственными органами был найден легальный путь для борьбы с ними. Было решено ввести комитеты снабжения (они стали в дальнейшем называться районными экономическими комитетами) в единую систему государственных регулирующих органов, вытравив из них живой демократический дух и самодеятельность и приспособив к существующему бюрократическому аппарату. Главному экономическому комитету с этой целью была поручена выработка положения (закона) о них, которая продолжалась (и это в условиях страшной разрухи!) два с половиной месяца, со 2 августа до 18 октября 1917 г. Пользуясь такой откровенной проволочкой со стороны правительства, монополисты на местах всячески саботировали деятельность комитетов снабжения. Например,

⁷⁹ «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 305, док. № 141.

⁸⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 324.

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 121, л. 13.

⁸² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 324.

⁸³ «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 282, док. № 128.

Московский торгово-промышленный комитет 7 августа постановил выйти из состава районного комитета снабжения, так как он «до сего времени Временным правительством не утвержден», а «промышленники считают для себя неудобным (!) работать в органе нелегаллизованном»⁸⁴.

Насаждая новые нежизненные учреждения наверху и борясь с почином демократической общественности снизу, Временное правительство в то же время сохраняло ведущее положение в осуществлении своей экономической политики за прежними, по существу неререформированными особыми совещаниями и комитетами. Как и при царизме, главную роль играло Особое совещание по обороне. Оставаясь и в послефевральский период распределительным центром заказов на «оборону», а в связи с этим и главным финансирующим органом, Особое совещание по обороне осуществляло широкую раздачу новых военных заказов и финансирование крупной промышленности, работавшей на войну. Хотя Военным министерством намечалась стабилизация расходов на военные заказы промышленности, фактически это мероприятие не коснулось ведущих монополистических группировок, по-прежнему загребавших львиную долю заказов⁸⁵. Особое совещание не только не попыталось ввести каких-либо ограничений в оплату явно завышенных военных заказов, но, напротив, в решающей степени способствовало их дальнейшему небывалому росту. Уже в начале мая 1917 г. им было признано целесообразным прийти на «помощь» промышленности путем повышения цен по казенным заказам ввиду якобы несоответствия этих цен послереволюционным условиям производства⁸⁶. Одновременно оно обращается в Совет съездов представителей промышленности и торговли с просьбой «разработать программу общих мероприятий по облегчению финансового положения заводов, работающих на оборону»⁸⁷. Созданная Особым совещанием специальная комиссия для руководства делом изменения контрактов по военным заказам исходила в своей работе в основном из рекомендаций Совета съездов, Петроградского общества заводчиков и фабрикантов и других ведущих предпринимательских организаций, добивавшихся ускорения повышения цен по военным заказам. Не случайно комиссией был принят для пересмотра цен такой руководящий принцип: «... смотреть несколько шире, имея в виду, что ошибка в большую сторону (завышения цен. — П. В.) не введет государство в чрезмерные расходы», а послужит «спасению» промышленности⁸⁸. Такая политика цен означала, что Особое совещание по обороне являлось главным орудием того «узаконенного казнокрадства», которое учинила в 1917 г. дорвавшаяся до власти буржуазия.

Особое совещание в послеиюльские дни выступило застрельщиком «урегулирования» рабочего вопроса посредством введения военнокаторжного режима для рабочих предприятий, имеющих особо важное значение для «обороны». При активном участии монополистических воротил совещанием были выработаны специальные правила применения особых мер для повышения производительности труда рабочих, занятых на таких предприятиях. Меры эти сводились к назначению на заводы особых военноуполномоченных «с широкими правами и компетенцией», начиная от вмешательства в вопросы заработной платы, рабочего времени и кончая разгоном заводских комитетов и применением военной силы.⁸⁹ Даже чиновничье-бюрократический Главный экономический комитет вынужден был признать, что «по условиям вре-

⁸⁴ ГИАМО, ф. 673, оп. 1, д. 1079, л. 6.

⁸⁵ ЦГАОР и СС, ф. 2281, оп. 3, д. 84, лл. 9об., 11, 19.

⁸⁶ См. «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 326, док. № 155.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 1955, л. 3.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 11, д. 17, л. 171.

⁸⁹ «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 230—232, док. № 96; ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 380, лл. 189—190.

мени (!) введение в действие проектируемых «Правил» не представлялось бы желательным»⁹⁰. Добавим к этому, что Особое совещание по обороне использовалось монополистами для срыва важнейших регулирующих мероприятий Временного правительства и усиления дезорганизации хозяйства страны. Отсюда обстреливались налоговые законы от 12 июня 1917 г., возвестившие повышение ставок обложения прибылей капиталистов до 90%⁹¹ (что никогда не было осуществлено). Отсюда 25 августа был нанесен решающий удар по хлебной монополии, выразившийся в ультимативном требовании повышения твердых цен на хлеб⁹². Наконец, здесь, в Особом совещании по обороне капиталисты-локаутчики находили не только полное взаимопонимание, но и получали государственную санкцию на закрытие своих предприятий в целях борьбы с «непомерными» требованиями рабочих⁹³.

Особое совещание по топливу также меньше всего занималось вопросами, имеющими общее народнохозяйственное значение. Оно направляло свою деятельность по пути всяческого содействия и финансовой «помощи» организациям углепромышленников, лесопромышленников и нефтяных королей, создавая в то же время всяческие помехи в работе демократизированных местных органов топливоснабжения⁹⁴.

Деятельность регулирующих органов при Временном правительстве не выходила за рамки ограниченного государственного регулирования, намеченного при Коновалове. Более того, сплошь и рядом монополистический капитал, как мы показали выше на примере Особого совещания по обороне, использовал их как орудие дезорганизации экономики страны, т. е. придавал их деятельности направление, обратное тому, для какого они были предназначены. Не приходится удивляться, что при множестве всевозможных контрольных, регулирующих и тому подобных органов разруха день сто дня усиливалась и углублялась.

3. РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Подгоняемое войной и разрухой, находясь под давлением революционных масс, Временное правительство вынуждено было идти по пути регулирования экономики. В этом же направлении его подталкивали и союзные правительства (Англии, Франции и США), считавшие, что посредством государственного регулирования Временное правительство сумеет восстановить «порядок» на заводах и повысить боевую мощь армии⁹⁵.

Экономическому регулированию при Временном правительстве были присущи следующие черты. Во-первых, несмотря на революционную обстановку, намечались и проводились в основном только меры, отвечающие или, в худшем случае, не противоречащие интересам монополистического капитала. Во-вторых, практические мероприятия отличались робостью, непоследовательностью и носили, как правило, частный, паллиативный характер, без попыток увязать их в единую и планомерную (конечно, в пределах, допускаемых капитализмом) систему регулирования. В-третьих, дело по большей части сводилось к провозглашению тех или иных мер, без серьезных попыток к их практическому претворению в жизнь.

⁹⁰ «Журнал 16-го заседания Главного экономического комитета» от 2 сентября 1917 г., стр. 2.

⁹¹ См. «Экономическое положение России», ч. 1, стр. 228—229, док. № 95.

⁹² ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 62, лл. 7—8.

⁹³ См. «Экономическое положение России», ч. 1, док. № 98, 213, 220, 223, 225, 227—228, 232, 290, 337, 339.

⁹⁴ Там же, стр. 291, док. № 135; стр. 379—381, док. № 193; «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, стр. 132—133.

⁹⁵ См. П. Н. Миллюков. Указ. соч., т. 1, вып. 1, стр. 194; «Экономическое положение России», ч. 2, М.—Л., 1957, стр. 497—498, док. № 608.

Основные черты регулирующих мероприятий Временного правительства вполне вскрываются при анализе характера регулирования главных отраслей хозяйства страны.

Хлеб. Вопрос о хлебе, являвшийся одним из трех основных требований революции (мира, хлеба, свободы), был главной экономической проблемой послефевральского периода. Собственно говоря, и вопрос о разрухе в его обобщенной форме сводился к этой главной проблеме. В конечном счете все основные проявления хозяйственного кризиса: упадок промышленности, развал транспорта и расстройство финансов, будучи тесно и неразрывно взаимосвязаны между собою, ставили ребром по сути дела один вопрос — вопрос о хлебе, о спасении трудящихся масс от голода.

Два политических фактора определили подход Временного правительства к решению этой проблемы, понудив его к введению хлебной монополии, — меры, несомненно, радикального порядка. Во-первых, в пользу хлебной монополии высказался Петроградский Совет, отразивший в данном случае интересы трудящихся масс⁹⁶. Под его непосредственным давлением Временное правительство уже 10 марта 1917 г. предредило вопрос о введении государственной хлебной монополии⁹⁷. Во-вторых, свежие впечатления от выступлений голодных масс Петрограда, послуживших поводом для Февральской революции, заставляли деятелей Временного правительства соглашаться с хлебной монополией, по словам министра земледелия кадета Шингарева, как с «горькою необходимостью»⁹⁸. 25 марта 1917 г. был принят закон о передаче хлеба в распоряжение государства, означавший официальное декларирование хлебной монополии⁹⁹. Издав не без колебаний и сомнений этот акт, являвшийся по тому времени целесообразной и демократической мерой¹⁰⁰, Временное правительство разошлось с большинством монополистической буржуазии. Тем не менее, частично оно пошло навстречу влиятельным группам господствующего класса, повысив при введении хлебной монополии, по их требованию, твердые цены на хлеб, в среднем на 60—70%¹⁰¹. Одновременно законом было предусмотрено широкое привлечение к закупкам хлеба для государства частноторгового аппарата на весьма выгодных для него комиссионных началах. Однако эти уступки лишь на короткое время умиротворили некоторые группы буржуазии. Начиная примерно с середины мая монополистический капитал, в первую очередь банки и связанные с ними крупные хлеботорговцы, а также помещики, решительно выступают против хлебной монополии, требуя отказа от нее и передачи всего дела продовольственного снабжения страны в руки частноторгового аппарата.

С конца июля борьба буржуазно-помещичьих кругов против хлебной монополии резко усиливается, став составной частью сопротивления монополистического капитала регулированию и ведущей линией в политике дезорганизации экономики страны. Срывом хлебной монополии буржуазия рассчитывала нанести удар по цитадели революции — пролетарским центрам, наиболее уязвимым в отношении продовольственного снабжения. Вместе с тем не забывались и интересы кармана, так как буржуазные и помещичье-кулацкие слои требовали нового повышения твердых цен на хлеб¹⁰².

⁹⁶ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК», М.—Л., 1925, стр. 13, 46, 121; ЦГАОР и СС, ф. 6935, оп. 6, д. 230, л. 46.

⁹⁷ ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 2, д. 2, т. 1, л. 27; «Журнал заседания Временного правительства», 10 марта 1917 г.; ф. 6, оп. 1, д. 14, лл. 22—23.

⁹⁸ «Речь», 29 марта 1917 г.

⁹⁹ СУ, 1917, № 85, ст. 487.

¹⁰⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 391.

¹⁰¹ «Продовольственный вестник», 1917, № 1, стр. 4.

¹⁰² «1917 г. в документах и материалах. Государственное совещание», стр. 24, 247, 249, 257.

Временное правительство перед лицом объединенного буржуазно-помещичьего фронта капитулирует. Это выразилось прежде всего в том, что, декретировав государственную монополию на хлеб, оно не приняло действенных мер к ее фактическому претворению в жизнь¹⁰³. Такие необходимейшие мероприятия, как взятие на учет хлеба, организация снабжения деревни промышленными изделиями, создание стройной и единой системы продовольственных органов и тому подобное по существу не были проведены, что лишило монополию реальной надежды на успех. Проведенное Временным правительством 27 августа 1917 г. «после совещания с банками и торговцами, но тайком от Общегосударственного продовольственного комитета»¹⁰⁴, удвоение твердых цен на хлеб было решающим шагом на пути отказа от хлебной монополии. Устойчивость твердых цен — фундамент хлебной монополии — была раз и навсегда подорвана. В продовольственном вопросе правительство с этого времени берет твердый курс на «широкое привлечение к закупкам частного торгового аппарата, а банков — к широкому финансированию продовольственных заготовок»¹⁰⁵. Накануне своего падения оно, по компетентному мнению Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, «было уже склонно в своей продовольственной политике пойти по намеченному торгово-промышленными организациями пути и предприняло ряд конкретных шагов в целях более широкого привлечения торгового аппарата к хлебным поставкам»¹⁰⁶.

Таким образом, хлебная монополия дает нам конкретный и яркий пример поворота монополистического капитала от государственного регулирования к «свободе» частной инициативы и предпринимательства. В свою очередь, не сразу и не прямо, но тем не менее с железной последовательностью Временное правительство переориентирует свою политику в том же направлении, обнаруживая тем самым ее истинные классовые истоки. Его преступная бездеятельность в продовольственном вопросе привела к тому, что страна, имея излишки хлеба, накануне Октябрьской революции оказалась на грани голода. Так, в августе из районов заготовок хлеба было вывезено только 19 млн. пудов хлеба, в сентябре около 23 млн. пудов, тогда как месячная потребность для питания армии и населения составляла около 100 млн. пудов¹⁰⁷. Москва в середине октября осталась без всяких запасов хлеба¹⁰⁸. Такое же положение было в Петрограде и в других промышленных центрах.

Топливо. Топливный кризис, принявший в послефевральский период катастрофический характер, властно ставил вопрос об упорядочении снабжения промышленности и транспорта донецким углем и бакинской нефтью, как основными видами топлива. Поэтому введение угольной и нефтяной монополии к 1917 г. было делом вполне назревшим. Инициатором перехода к регулированию топливоснабжения посредством монополизации казною торговли донецким углем явился монополистический капитал юга России, еще недавно решительно сопротивлявшийся подобным попыткам¹⁰⁹. Перемена позиции углепромышленников в

¹⁰³ Как много позже признал бывший министр продовольствия Прокопович, Временное правительство никогда на практике не применяло закон о хлебной монополии (С. Н. Прокопович. Народное хозяйство СССР, т. 1, Нью-Йорк, 1952, стр. 148).

¹⁰⁴ «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1 октября 1917 г.

¹⁰⁵ «Торгово-промышленная газета», 28 сентября 1917 г.

¹⁰⁶ «Краткий отчет Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства о его деятельности за 1917 г.», Пг., 1918, стр. 3.

¹⁰⁷ «Экономическое положение России», ч. 2, стр. 357, док. № 536.

¹⁰⁸ Там же, стр. 323, док. № 509.

¹⁰⁹ Мы считаем необходимым особо подчеркнуть это положение, ибо в научной литературе существует другая, по нашему мнению, неверная точка зрения, согласно которой угольная монополия была введена Временным правительством вопреки желаниям углепромышленников, будто бы сначала отрицательно отнесшимся к проекту

вопросе об угольной монополии объяснялась не столько политическими, сколько коммерческими соображениями. Обосновывая свое «согласие» на введение угольной монополии, представители углепромышленников на одном из совещаний при Министерстве торговли и промышленности указывали, что «она не только не стеснит» их, но и «скорее облегчит их работу», так как «установление твердых цен на твердых основаниях и при участии горнопромышленников гарантирует им безубыточность их работы...»¹¹⁰. Иначе говоря, в монополизации казною угля донецкие магнаты увидели не средство улучшения топливоснабжения, а выход из затруднительного финансового положения, в котором они в силу ряда причин оказались к весне 1917 г. Временное правительство, оставив без внимания протесты средних и мелких углепромышленников, а также представителей биржевой угольной торговли¹¹¹, своим подходом к решению данной проблемы показало, что оно на деле являлось слугой крупного, монополистического капитала. Временное правительство рассматривало угольную монополию как частную меру, предназначенную для удовлетворения потребностей в топливе важнейших потребителей, почти всецело работающих на войну (металлургические заводы, железные дороги, военная промышленность)¹¹². Одновременно оно стремилось всячески «облегчить» положение углепромышленников, взвалив на казну финансирование, т. е. фактически содержание за счет государства одной из самых расстроенных за годы войны отраслей промышленности. Иначе оно не могло поступить, ибо должно было считаться с интересами иностранного, главным образом французского, капитала, контролировавшего крупную углепромышленность Донбасса.

Разработка проекта угольной монополии была фактически поручена донецким заправилам, осуществившим ее под руководством таких людей как Пальчинский и Прядкин. Капиталистическая монополия должна была, с точки зрения Временного правительства, стать фундаментом государственной монополии. И действительно, принятое 16 июля 1917 г. Особым совещанием по топливу положение о передаче донецкого топлива в распоряжение государства¹¹³ максимально гарантировало свободу деятельности капиталистов в области производства, их коммерческие интересы и вместе с тем обеспечивало им решающее влияние на деятельность монопольных органов (Монотопа). С 1 августа 1917 г. монополия была введена в действие и, как вскоре выяснилось, она оказалась несовершенной и очень плохо подготовленной в организационно-техническом отношении¹¹⁴. Это обстоятельство явилось одной из причин того, что она не только не привела к улучшению топливоснабжения, а, напротив, ухудшила его.

Воротилы Юга, обеспечив благодаря монополии выгодные для них условия сбыта и тем укрепив свои позиции, в то же время в широких масштабах осуществляли саботаж производства. Монополистический капитал преследовал, судя по всему, одну цель — нанести решающий удар по хозяйству страны, лишив промышленность и транспорт угля — этого хлеба индустрии. Неудаче монополии способствовала также и политика привлеченных к ее финансированию частных банков, которые «вследствие не очень большого доверия... к кредитоспособности государства Российского»¹¹⁵ срывали нормальное кредитование предприятий.

монополии и примирившимся с ней лишь после ее введения (см. А. В. Венедиктов. Организация железной и угольной промышленности. Сб. «Тяжелая индустрия в СССР», М.—Л., 1926, стр. 44—46; Г. Цыперович. Указ. соч., стр. 319—332).

¹¹⁰ «Вестник сахарной промышленности», 1917, № 17—18, стр. 299.

¹¹¹ «Бюллетень Харьковской каменноугольной и горнозаводской биржи», 1917, № 9, стр. 190.

¹¹² «Вестник Временного правительства», № 21, 31 марта 1917 г.

¹¹³ СУ, 1917, № 200, ст. 1237.

¹¹⁴ «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 6, стр. 16.

¹¹⁵ «Горнозаводское дело», 1917, № 38—39, стр. 16373.

Падение производства угля явилось решающей причиной провала угольной монополии. Достаточно сказать, что вывоз донецкого угля снизился с 102,9 млн. пудов в марте до 83,0 млн. пудов в сентябре, тогда как даже «голодные нормы» топливоснабжения требовали ежемесячного вывоза 125 млн. пудов угля (осенью они были снижены до 90 млн. ¹¹⁶).

Крах угольной монополии как мероприятия, проведенного в тесном содружестве государственной власти и магнатов капитала, т. е. в «классической» государственно-монополистической форме, особенно поучителен. Он воочию показал, что в условиях глубочайшей разрухи все попытки проведения мало-мальски целесообразных мероприятий реакционно-бюрократическим путем стали объективно невозможными.

В части регулирования снабжения нефтью органы Временного правительства в первое время подумывали о так называемой полной нефтяной монополии, а затем признали «более возможным... установление монополии только на торговлю нефтяными продуктами» ¹¹⁷. Однако эти проекты встретили дружный отпор со стороны нефтяных королей, признавших их «преждевременными» ¹¹⁸. В результате ограничились усилением надзора над нефтяной промышленностью, для чего Временным правительством было принято постановление об учреждении нефтяной инспекции ¹¹⁹. Но руководящие монополистические группировки признали введение нефтяной инспекции «нежелательным» и «излишним», так как, по их мнению, «число учреждений, опекающих нефтяную промышленность» и без того являлось «слишком большим» ¹²⁰. В итоге нефтяная инспекция осталась одним из многих мертворожденных творений Временного правительства.

Т к а н и. Вопрос о мануфактурных товарах, прежде всего о хлопчатобумажных тканях, был составной частью более общего вопроса об организации снабжения сельского населения изделиями промышленности. Без предоставления деревне известного минимума промышленных товаров (железа, тканей, керосина и т. п.) нельзя было всерьез думать о поддержании сельскохозяйственного производства и об успехе хлебной монополии в первую очередь. Временное правительство, поставленное перед необходимостью как-то решать эту острую и неотложную задачу, пошло по пути бюрократического прожектерства, частичных и паллиативных мероприятий. Так, вместо практической организации обмена хлеба на промышленные товары по твердым ценам, оно в конце апреля 1917 г. учреждает Комиссию для выяснения вопроса о снабжении населения предметами широкого потребления ¹²¹. Но эта Комиссия так никогда и не приступила к работе. Вместо осуществления монополизации казною снабжения мануфактурными товарами (тканями), что одно время как будто бы даже намечалось, Временное правительство в лице Комитета хлопкоснабжения и Министерства продовольствия вступило на путь сделки с текстильными магнатами. Согласно условиям соглашения между Министерством продовольствия и текстильными фабрикантами, последние обязались передавать в распоряжение Министерства по твердым ценам для централизованного распределения среди населения через «Центроткань» и местные продовольственные органы 50, а затем 60% хлопчатобумажных тканей из остатка, образующегося после удовлетворения потребностей интендантства ¹²². Разработанный

¹¹⁶ «Экономическое положение России», ч. 2, стр. 86—87, док. № 371.

¹¹⁷ ЦГАОР и СС, ф. 2281, оп. 4, д. 18, л. 138об.; «Стенографический отчет заседания Экономического совета», № 2, 22 июля 1917 г., стр. 11.

¹¹⁸ «Нефтяное дело», 1917, № 8, стр. 31; № 11—12, стр. 5.

¹¹⁹ См. «Вестник Временного правительства», № 152, 13 сентября 1917 г.

¹²⁰ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 323, лл. 22—23, 24.

¹²¹ «Вестник Временного правительства», № 50, 7 мая 1917 г.

¹²² «Торгово-промышленная газета», 5 сентября 1917 г. 70% производства хлопчатобумажных тканей шло на нужды военного ведомства, свободный остаток, шедший на массовый рынок, составлял 30%.

затем Министерством продовольствия проект закона об исключительной поставке хлопчатобумажных тканей названному министерству, предусматривавший поставку ему всего свободного остатка тканей, т. е. введение какого-то суррогата монополии на ткани, так и не получил государственной санкции. О регулировании же производства тканей правительство не думало вовсе. Вместо монополизации торговли тканями правительство ограничилось введением разрешительной системы торговли ими.

Во всем этом нет ничего удивительного. Московские текстильные магнаты яростно сопротивлялись всем попыткам расширения сферы государственного регулирования на производство и торговлю тканями, всячески саботируя его и стремясь, насколько возможно, отступить от «жестких» стеснений государственной регламентации текстильной промышленности (это, в частности, сказалось в их отрицательном отношении к «Центрохлопку», осуществлявшему централизованное распределение сырья¹²³). Особенно непримиримую позицию они заняли в отношении проектов монополизации распределения тканей государством¹²⁴. В противовес этим проектам, названным текстильными тузами проектами «обезглавления хлопчатобумажной промышленности и ликвидации частных торговых предприятий»¹²⁵, капиталисты добивались безраздельного и бесконтрольного распоряжения свободным остатком хлопчатобумажных тканей, предназначенным для частного рынка. Более того, в их кругу вынашивались планы сосредоточения всего дела распределения тканей в руках Всероссийского союза торговли и промышленности¹²⁶. Если принять во внимание также противодействие установленно твердых цен на готовые ткани, то спекулятивная подоплека борьбы фабрикантов-текстильщиков против государственного регулирования становится очевидной.

В заключение следует сказать, что в своем саботаже введения мануфактурной монополии, текстильные магнаты неизменно опирались на Министерство торговли и промышленности и Комитет хлопкоснабжения, находя там поддержку своих узкокорыстных интересов¹²⁷. В результате дело снабжения населения тканями, как и централизованного распределения хлопчатобумажной пряжи, до Октябрьской революции практически почти не сдвинулось с места¹²⁸. За три с половиной месяца, с 1 июля по 15 октября, для населения было выделено по 10-ти разверсткам около 120,2 млн. аршин, а фактически дошло до потребителей около 70 млн. аршин¹²⁹.

Так, своим бездействием в деле организации снабжения тканями и попустительством в отношении кучки монополистов Временное правительство потакало узкокорыстным притязаниям магнатов текстильной промышленности, игнорируя при этом коренные интересы страны и единомышленные требования многомиллионного крестьянства.

Столь же безрезультатно или с минимальными положительными для хозяйства страны результатами были осуществлены Временным правительством и некоторые другие мероприятия (в области регулирования металлоснабжения, транспорта и т. д.). Накануне Октябрьской революции меньшевики, ответственные за всю политику правительства, вынуждены были признать, что ничего фактически не было сделано для

¹²³ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 45, лл. 57, 94об., 95.

¹²⁴ Там же, д. 26, л. 371.

¹²⁵ «Утро России», 21 июля 1917 г.

¹²⁶ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 624, л. 16.

¹²⁷ «Утро России», 21 июля 1917 г.

¹²⁸ См. В. Я. Лаврычев. К истории государственного регулирования текстильной промышленности России в годы первой мировой войны. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 2, стр. 76—77.

¹²⁹ З. Лозинский. Указ. соч., стр. 81.

организации государственного контроля и регулирования¹³⁰. Это было равносильно признанию полного краха реакционно-бюрократического регулирования, оказавшегося недостаточным для предотвращения роста разрухи.

Более «энергичная» деятельность в области «регулирования» цен (их нормирование, распространение на новые виды товаров и т. п.) проводилась исключительно в интересах капиталистических магнатов, без учета общеэкономических потребностей страны. Не удивительно, что это «регулирование» цен вылилось в беспрецедентное разграбление казенных средств кучкой монополистов. Пользуясь обстановкой товарного «голода», дороговизны, бесконтрольностью со стороны государства и ничем не ограниченным всевластием в экономике, русская буржуазия предавалась оргии безудержного обогащения, истощая тем самым хозяйство страны и приближая его к неминуемой катастрофе. Стремительно катилась вниз промышленность. За 1917 г. валовая продукция фабрично-заводской промышленности уменьшилась по сравнению с предыдущим годом на 36,4%, составив 77,3% от уровня довоенного 1913 г.¹³¹. Замирал транспорт, ибо более одной четверти паровозов вышло из строя, а действующие не могли работать из-за недостатка топлива. Еще более сократились посевные площади и сбор хлебов. Гибнущая буржуазия оставляла после себя тяжелое наследие.

* * *

Таким образом, Временное правительство всех составов в области экономики проводило не какую-то свою, отличную от буржуазии политику, а именно политику класса буржуазии. Но, представляя и отстаивая в этой политике общие интересы всей буржуазии, оно было прежде всего исполнителем воли ее монополистической, финансово-олигархической верхушки. Поэтому экономическая политика Временного правительства определялась не широко понятыми интересами капиталистического развития страны, а частными интересами монополистического капитала. Именно по этой причине оно не смогло всерьез провести даже государственно-капиталистические мероприятия, вполне приемлемые для капиталистического хозяйства страны.

Экономическая политика правительства находилась в противоречии с объективными потребностями страны, с чаяниями широчайших народных масс, совершивших революцию и стремившихся к глубоким социально-экономическим преобразованиям. Но ни на какие глубокие общедемократические преобразования и меры Временное правительство в силу своей классово-экономической сущности не было способно. Вместе с тем под давлением революционных масс в переломные, кризисные моменты в отдельных случаях оно вынуждено было отклоняться влево (хлебная монополия) от основного буржуазного курса. Но и тогда правительство либо ограничивалось декларированием радикальных мер, либо, приступая к их практическому осуществлению, выхолащивало их действительное содержание, стремясь сделать их безвредными для буржуазии.

В области борьбы с разрухой посредством государственного регулирования деятельность Временного правительства, принимая во внимание условия глубочайшего хозяйственного кризиса, была равнозначна полной бездеятельности. Оно оказалось неспособным осуществить даже те задачи, которые само ставило. И это вполне закономерно. В 1917 г. никакое государственное регулирование не могло быть успешным без овладения банками, без отмены коммерческой тайны, без ограничения бешеных прибылей капиталистов. Но все эти меры выходили за преде-

¹³⁰ «Рабочая газета», 13 октября 1917 г.

¹³¹ «Вестник статистики», кн. XIV, 1923, стр. 152—153.

лы возможного для любого буржуазно-империалистического правительства, а тем более они были не по плечу слабому и лишенному всякого политического и морального авторитета Временному правительству. Направив экономическое развитие России в интересах горстки капиталистов, в ущерб интересам большинства народа, Временное правительство за 8 месяцев своего господства привело страну на край пропасти, создав угрозу превращения ее в полуколонию иностранных империалистов. Объективное экономическое положение России ставило вопрос о социалистической революции как о единственно реальном выходе из хозяйственного тупика. «Рабочий класс, когда он завоеует власть,— писал В. И. Ленин накануне Октябрьской революции,— один только сможет положить конец разрухе и грозящему голоду»¹³². История блестяще подтвердила эти пророческие слова гения революции.

¹³² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 293.

